

Почетному гражданину г. Петропавловска-Камчатского писателю Николаю Санееву - 70 лет

Изучение литературного творчества только тогда полезно и познавательно, когда писатель как личность обладает «лицом необычным выраженьем». Думаю, творчество Николая Санеева позволяет исследователю вести разговор именно в этих рамках.

Николай Санеев пришел в литературу из журналистики.

Многие его очерки (по - видимо - большинство) окрашены в экзотико - романтические тона. Лишь в самые последние годы писатель стал,

Прогулки с Г. Троепольским.

похоже, немного стесняться этих тонов (как поживший мужчина стесняется вспоминать свое давнее юношеское мировосприятие) - произведения его уже не блещут праздничным оптимизмом, все более заметно наполняются горечью сомнений, гневом протеста, даже элементами скепсиса. Подобные перемены вряд ли можно объяснить лишь вступлением автора в возрастную «пору ворчливости». Главное - изменились объективные условия творчества.

Он печатает в «Правде» статью «Здоровье Авачинской бухты» и на всю страну в полный голос говорит такое, от чего становится не по себе. Но и сам на себя (вчера) смотрит с иронической полуулыбкой: «...В самом начале шестидесятых годов и я ошалело застыл на крутом берегу Сопки Любви, с которой бухта видна почти вся, до последнего своего изгиба... Ее хотелось потрогать: не полотно ли великого мастера перед тобой? Признаюсь, тогда я даже не замечал бликующих на изломах волн маслянистых пятен. Не задерживал взгляда на подернутых мазутной пленкой прибрежных камнях, не вникнул в запах выброшенных волной водорослей, морских звезд, во все, что источает красавица - бухта. И, конечно, не думал, что очень скоро она станет не только песней, но и болью моей».

Отметим: тогда, в пору первого свидания с Авачинской бухтой, автор «не задерживал взгляда» на фактах и явлениях минорного содержания вовсе не потому, что таких явлений и фактов не было или они были трудноразличимы. И мазутная пленка, и нефтяной запах выброшенных прибором водорослей, и другие подобного рода приметы, как говорится, имели место, - да только не лежала душа все это рассматривать и расписывать...

Кто хоть раз бывал в дальневосточных морях с рыбаками - да еще и в хорошее время года, да к тому же стал свидетелем рыбацкой удачи, - тот поймет и простит Николаю Санееву устойчиво приподнятый тон его первых очерков и репортажей с путины.

Понятому кажется странным, как эти люди могут столь спокойно, почти равнодушно делать свое великодушное, ни с чем не сравнимое дело. Празднично - оранжевые рабочие рубы, вид уходящих в прозрачно-зеленую воду белых светящихся кухтылей, похожих на зубы верхней челюсти широко разинутой пасти тра-

ла, а потом - дрожащие от напряжения тросы - ваера, песенно - бодрое завывание лебедки, пронзительные крики чаек над водой - там, где вода светлеет, светлеет, светлеет... - и всплывает набитый рыбой кутел.

Это фон, антураж. А главное действие происходит в коллективе и в человеке: тут соприкасается не обоим. Блеск поверхностных впечатлений тускнеет от прикосновения цифр, пояснений, деловых диалогов. Обнаруживается изнурительная гонка, оранжевые рубы оказываются надетыми на усталых, озлобленных людей, которым просто некогда замечать ни приятного цвета морской волны, ни собственного трудового энтузиазма, а посторонний человек с блокнотом и карандашом, с его подходами и расспросами кажется странным пришельцем из далекого мира, и который хорош и полезен разве что тем, что захватит с собой письма, когда через недельку его переправят на судно, идущее в родной порт...

Николаю Санееву довольно долго хватало вот такой, сугубо репортерской работы для полного ощущения профессиональной удовлетворенности. Раз за разом поднимался по трапу на разные рыбацкие суда, пропадал в ближних и дальних промысловых экспедициях, возвращался на берег переполненный впечатлениями и писал один за другим очерки, читая которые, обнаруживаешь безраздельную уважительность автора к своим персонажам, «штурмуящим океан».

В 1977 году издательство «Советская Россия» включило в серию «Писатель и время» небольшую книжку Николая Санеева «Будни рыбака» - очерк, посвященный передовому экипажу большого морозильного траулера и его вожак - известному всей Камчатке капитану Н. В. Сотникову.

С первых же строк очерка Николаю Санееву удается создать в этой маленькой книжке несколько интересных портретов. Помимо главного героя Н. Сотникова это старший траулера Григорий Аглеулин, буфетчица («судовая мама», как ее называют) Анна Филипповна Левченко, заведующий производством Владимир Закутный и другие члены команды большого морозильного траулера. Рассказать биографию персонажа, доброту ее «изюминками» драматических или комических случаев, отчет портрет человека получается выразительным и запоминающимся, - это Санеев умеет.

Познакомив читателя с капитаном Сотниковым в момент традиционно - минорного прощания с любимой женой, Н. Санеев затем отдал немало страниц тому, чтобы наше знакомство продлилось, окрепло. Он понимает, что цифры и факты, свидетельствующие о высоких трудовых достижениях знаменитого капитана, о его профессиональном мастерстве, работоспособности и ответственности, - это не более чем скудные мазки, создающие даже не эскиз портрета, а всего лишь первичный контур, пригодный для заполнения чертами любого лица, - мало ли в трауловом флоте умелых и славных, работоспособных капитанов. Поэтому как только представляется случай показать героя и его неповторимо - индивидуально обличье, автор берется за дело с понятным энтузиазмом. Похоже, он и сам с облегчением переходит «от слов к делу» - отдавая дань газетным условностям, приступает

к заветному, сугубо литературному делу: не рассказывать или описывать, а показывать, изображать.

Только тут и начинаешь проникаться настоящей симпатией к Николаю Сотникову. Несмотря на свою командирскую должность, он прост, доступен, любит шутку и розыгрыш. Но и предельно суров, когда дело касается профессиональной чести, деловых отношений с членами экипажа. Хитрить и ловчить (как это делают многие), чтобы «обставить» соперников по соревнованию, не хочет, да и, как можно догадываться, не умеет. Полагается в деле на свой рыбацкий талант да еще на удачу, которая словно бы тоже вписана, вместе с другими членами экипажа, в судовую роль... Постепенно складывается образ открытого, настоящего

же больно отходят примороженные пальцы в воде. Ломат, колот, дергают - орать хочется. А все равно сладка и желанна эта боль, эта добровольная пытка. Потому как знаешь: не от омертвления она идет, а от оживления. Так и моя память отходила со шмячей, но сладкой болью, болью воскресения забытого и такого дорогого...

Не стоит перебирать здесь все те «камешки на ладони», из которых составлена автором повесть, - мозаические картины невозможно по достоинству оценить с близкого расстояния. Если уж выделять, то большие фрагменты, сильнее других действующие на читательское восприятие. Например, трагическую судьбу Ивана Пересунько по

Автопортрет с книгой

О ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ САНЕЕВА

Так как я не красноречив и даже не великий писатель, то, не рассчитывая на свой стиль, я стараюсь собрать для своей книги факты.

Стендаль.

морского хозяина, который счастлив и горд своим местом среди людей.

Очерк о капитане Сотникове, написанный в 1977 году, практически без изменений вошел в состав последнего, самого объемистого сборника документальной прозы Санеева, изданного в 1988 году. Стало быть, это произведение до-

Н. Санеев и Е. Евтушенко.

рого автору, раз не мог обойтись без него в «книгогой» книге...

Впрочем, присутствие этого «вчерашнего» текста в «сегодняшней» книге полезно хотя бы тем, что способствует созданию наиболее полного представления о творчестве Н. Санеева.

В судьбе Николая Санеева есть поворот, весьма характерный для нашего времени. Место рождения писателя - донской хутор Богатырь - вместе с десятками других деревень, хуторов и станиц ушел на дно искусственного Цимлянского моря. Похожая судьба досталась множеству российских селений, и, пожалуй, одному лишь Валентину Распутину удалось сделать из подобного факта художественное обобщение значительной силы. Санеев, конечно, не думал о том, чтобы пойти по литературным следам Распутина. Просто однажды заполнил анкету (мало ли мы их заполняем на своем веку) - и пронзило его странное чувство безродности, внезапное осознание невосполнимой утраты чего-то очень значительного и необходимого.

«Я погружался памятью в прошлое, связанное с моей маленькой, но единственной и неповторимой родиной - хутором Богатырь, так, словно прихваченные морозом пальцы окунал в воду. Ух, до чего

прозвищу Грими Нога - инвалида гражданской войны, бывшего конника дивизии Александра Пархоменко, на всю жизнь влюбленного в лошадей... Или лирическое «стихотворение в прозе» о конягах - шахтарях... Или как уже после войны хуторские мальчишки ездили «зайцами» в товарняке за учебниками в Ростов, как меняли уцелевшую одежку на хлеб, кукурузу, картошку, - хоть полуголые, зато не голодные... Или как с голодухи же совершили набеги на бахчи, таскали ножами сазанов из чужих сетей... Все это написано с юмором, самоиронией, без каких бы то ни было «художественных» затей. Остается ощущение прочного, давнего знакомства с человеком, чья жизнь известна тебе не только в общих чертах...

Проблемный очерк «Не сотвори беду, Человек!» вошел в состав одноименного сборника, изданного в 1988 году «Современником», а за два года до этого напечатанного в книге «На рыбацких перекрестках».

Вот автор летит в самолете промысловой разведки над северо-восточным побережьем Камчатки и вспоминает недавние «золотые годы», когда осенний нерест сельди в бухтах Олоторского залива привлекал сюда армаду рыболовных судов и многие тысячи сезонных рабочих - целые палаточные города возникали с единственной задачей для их обитателей: солить, солить и солить рыбу тоннами, десятками, сотнями тысяч тонн... Автор наблюдал «накал страстей человеческих» в самое угарное время взлета сельдяной экспедиции в 1962 году, а затем бесславное свертывание промысла в 1968 году. И сейчас признается: «А осознание трагичности происходящего на моих глазах пришлось позже».

Вот так: трагичность происходящего.

И теперь можно вводить читателя в суть обстоятельств, знакомить с персонажами, подробно описывать снаряжение научной экспедиции, ее цель и задачи, не акцентируя внимание на тревоге или растерянности перед лицом возникшей экологической опасности, - с прямой неизбежностью эти слова - «трагичность происходящего» - окрашивают собою даже самые «мирные» страницы. И раз за разом получается так: речь заходит о

чем-то «нейтральном» - например, о работе летчика - наблюдателя, как он наводит сейнеры и траулеры на косяки, как рыбаки с нетерпением ждут появления самолета - наводчика, как кричат пилоту по радио слова благодарности, когда в невод попадает, благодаря точной водке с воздуха, богатый косяк, - чем не картинка азартной работы, трудового энтузиазма (о чем мы так много читали у Санеева раньше), и вдруг - такие слова: «Все, за что у людей в чести был, делал неправильно». Это говорит о себе тот самый летчик, верный друг и помощник рыбаков, «соавтор» рекордных уловов... Да, это он говорит о себе - и уточняет безжалостно: «Добро во зло перешло».

«Когда есть что похвалиться, большого не надо...» - слова произносит не какой-нибудь злопыхатель или завистник, а капитан передового рыболовецкого экипажа, самый что ни на есть герой путины. В свете этого самопризнания совершенно по-иному выглядит и представленный Н. Санеевым образец собственного творчества. Эта самоирония чрезвычайно плодотворна, она выводит нас далеко за пределы темы конкретного очерка, заставляет задуматься о других - многих, разнообразных, наших общих ошибках и заблуждениях.

Размышляя о противоречиях своего времени и пытаюсь найти опору на трудном поприще постижения правды бытия, Л. Н. Толстой уповал на то, что в периоды общественных кризисов с мистической неизбежностью проявляет себя странная сила. Он назвал ее та «энергия заблуждения» - иму виду, что накопления общественных грехов, ошибок и преступлений рано или поздно доходят до критической величины, и в обществе создается как бы напряженное силовое поле, заставляющее людей действовать, искать выходы из тупиков.

... Беру в руки весомый плод многолетней литературной работы Н. Санеева, срезаю кожуру и обнажаю сердцевину, ядро, зерно. Ведь плоды существуют в природе не для того, чтобы нам любоваться их красотой, а чтобы зерна падали в почву и прорастали. Это единственный способ соединения прошлого с будущим. Перечитай книги* камчатского прозаика - публициста, уверенно делаю вывод: зерно долгих трудов Николая Санеева не пропадет, прорастет.

Николай ЛИТВИНЕНКО.

Большой Кремлевский Дворец. VII съезд СП СССР 1981 г. Диалог с А. Борзавским.

* Рецензия известного дальневосточного критика Игоря Литвиненко перепечатывается в «Рыбаке Камчатки» из журнала «Дальний Восток» в сокращенном варианте. Учитывая тематическую направленность газеты, из обзора творчества Н. Санеева опущена рецензия на его повесть «Среди снегов белых» об истории создания оленеводческого совхоза на севере Камчатки. И тематически выпадает из канвы рецензируемых рыбацких произведений.

VIII съезд писателей СССР. М. Шевченко, В. Астафьев, Н. Санеев, Ю. Сбитнев, А. Бологов - в кулуарах БКО.